

ПСИХОЛОГИЯ: УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ И ССУЗОВ

Г. С. Абрамова

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ И ССУЗОВ

психологический
портал
psyportal.ru

Психология. Учебное пособие для вузов и ссузов

Галина Абрамова

Практическая психология

«Прометей»

2018

УДК 159.9
ББК 88

Абрамова Г. С.

Практическая психология / Г. С. Абрамова — «Прометей»,
2018 — (Психология. Учебное пособие для вузов и ссузов)

ISBN 978-5-906879-70-7

В учебнике исследуются вопросы профессиональной этики психолога при осуществлении им различных видов профессиональной деятельности: психологического консультирования, психодиагностики, психологической коррекции и психотерапии. На примерах из практики раскрываются проблемы профессионального взаимодействия психолога с представителями смежных профессий (педагогами, врачами, юристами, социальными работниками). Учебник соответствует ФГОС 3+ и предназначен для студентов вузов, изучающих дисциплины «Общая психология», «Психология личности», «Психология развития и возрастная психология», «Педагогическая психология», «Экспериментальная психология», «Основы консультативной психологии», «Специальная психология», «Общепсихологический практикум», «Психодиагностика», «Психология стресса», «Психология семьи», «Психология социальной работы», «Социальная психология». Издание также предназначено для студентов ссузов, изучающих дисциплины «Психология», «Возрастная психология и педагогика», «Семьеведение», «Психология и андрогогика лиц пожилого возраста и инвалидов», «Основы педагогики и психологии», «Психология общения». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-906879-70-7

© Абрамова Г. С., 2018

© Прометей, 2018

Содержание

Глава 1. О «вечных» проблемах работы в науке и практике	7
§ 1. Психологические проблемы методологического обоснования в психологии как науке	8
§ 2. «Данность» как методологическое понятие в современной психологии	14
§ 3. Роль гуманитарного знания в картине мира современного человека	17
Глава 2. Практическая этика и практическая психология как профессиональная деятельность	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Галина Сергеевна Абрамова
Практическая психология
Учебник для вузов и ссузов

© Г. С. Абрамова, 2018

© Издательство «Прометей», 2018

* * *

Глава 1. О «вечных» проблемах работы в науке и практике

Зри в корень.
К. Прутков

– Сначала думай, а потом делай.
(Из поучительного разговора)

«Возможно, идеалом современного знания должен стать новый синкретизм. Именно новый, то есть не только вспомненный, но и построенный заново».
В. П. Зинченко, Б. Б. Моргунов

§ 1. Психологические проблемы методологического обоснования в психологии как науке

Хотелось бы усилить свой эпиграф повторением слова «возможно», поставив после него знак вопроса как риторический, заведомо оставив его без ответа. Я не знаю однозначного ответа, а происходящее сегодня в отечественной науке мне далеко небезразлично и требует уточнения и обозначения собственной позиции по теме, заявленной в названии.

Прежде всего, хотелось бы уточнить, что в психологии как и в любой науке работают не только ученые. Б. Рассел говорил об этом так. «Человек науки (я не имею в виду каждого, так как многие люди науки не являются учеными, – я говорю о человеке науки, каким он должен быть) – это человек внимательный, осторожный, последовательный, он опирается только на опыт в своих выводах и не готов к всеохватывающим обобщениям, он не примет теорию лишь потому, что она изящна, симметрична и обладает синтетическим характером; он исследует ее в деталях и в приложениях».

Б. Рассел, описывая понятие «наука», естественно не преминул упомянуть о том, что наука – это прежде всего знание особого рода, которое стремится найти общие законы, связывающие множество отдельных фактов. Наука равноправна с искусством как поиск истины, она же обладает практическим значением, которого нет у искусства. В силу этого возникает особая форма, я бы сказала, незащищенности научного знания, т. к. не наука решает как будут использованы ее плоды. Она сама по себе не обеспечивает людей этикой, а только показывает путь достижения цели или невозможность движения по какому-то пути, к какой-то цели. Но выбор между целями, желаемыми для достижения, определяется не только научными соображениями – это путь, на котором наука встречается с жизнью в виде этики.

По-моему, сегодня эта встреча для большинства людей, работающих в психологии как в науке, произошла (или происходит) с предельной определенностью, с требованием уточнения и обозначения (в который раз в истории психологии!) ее предмета, методов, основных принципов строения научного знания, т. е. всех тех образующих науки, которые определяют ее существование, как особой деятельности, предполагающей поиск истины (хотелось бы выделить это слово).

Обозначить свое отношение к этому понятию – истина – для психолога всегда очень трудно, т. к. то знание, которое он получает и доказывает на истинность не всегда строго верифицируемо, измеряемо, соизмеримо на соответствие уже известным закономерным фактам. Да и само понятие «факт» для психолога остается величиной, которую нельзя измерить формально чисто логическим путем, уже хотя бы потому, что психическое является продуктом культуры.

На мой взгляд, это приводит к тому, что психолог – как человек науки – теряет чувство реальности своего предмета, отождествляя его с данными своих измерительных процедур и верификаций в виде научных текстов.

Добиваясь строгости и чистоты доказательств человек науки осуществляет требуемый от него методологический ригоризм.

Таким образом, мне кажется, создаются условия для движения по пути построения искусственного (фантомного) предмета научного исследования, т. к. реальными, интимными, подлинными объявляются только те объекты (факты), которые соотносимы Друг с другом формально логически.

Чтобы не пойти по этому пути, человек науки стремится всеми доступными ему способами удержать реальность своего предмета исследования, т. е. предмет своей науки.

Для психолога это особенно трудно, т. к. требует решения вопроса о месте своего предмета науки среди других наук.

Место, как известно, понятие весьма относительное и возможность его определения всегда связана с тем, что большие объекты земной поверхности и «большие объекты» мышления, в основном, неподвижны.

Если неподвижностью больших объектов земной поверхности как со счастливым обстоятельством можно согласиться без сопротивления, то неподвижность «больших объектов» мышления требует не только доказательств, но и усилий по их принятию.

Для меня самым «большим объектом» мышления человека науки является его методология, позволяющая определить его собственное «место» в науке. Чаще всего этот «объект» и его величина дают о себе знать в оценке других, уже существующих, уже обозначенных мест – позиций, теорий, фактов, гипотез, это выглядит, например, (приведу цитату без точного указания автора) так:

«С философской, методологической точки зрения фрейдизм является биологизаторской концепцией личности, одной из разновидностей биологизаторского редукционизма, рассматривающего врожденные инстинкты и влечения в качестве главных детерминант психики, признающего ведущую роль бессознательного в поведении человека. Фрейдизм принижает роль социальных, культурно-исторических факторов в развитии личности, в детерминации психических процессов и поведения в целом».

Естественно, такая точка зрения имеет право на существование, формулируя ее автор цитаты определяет свое отношение к тому месту в науке, которое занимает классический психоанализ и психодинамическая теория, через систему собственных оценок теперь значительно точнее видится собственный же путь движения к истине, к реальному объекту изучения – психическому.

Продолжу цитировать:

«Можно, следовательно, говорить о «качестве» детерминизма, но сам принцип детерминизма, т. е. применение к психике философских законов о всеобщей обусловленности психических явлений реалиями объективного материального мира и распространения на психику причинно-следственных закономерностей, является важнейшим критерием естественнонаучной парадигмы в психологии».

Понятие детерминизма как способа мышления о психологическом имеет и другой вид, другое место в обосновании и понимании реальности психического. Использую прием цитирования еще раз. Характеризуя эволюцию взглядов С. Л. Рубинштейна, В. П. Зинченко и Б. Б. Моргунов пишут: «Здесь психическое (для С. Л. Рубинштейна – А. Г.) выступает не только как процесс, но и как акт, энергия, причина, субстанция. В этом ряду недостает лишь понятия эктелехия в аристотелевском смысле этого слова, т. е. как внутреннее самосознание. В свете приведенных размышлений С. Л. Рубинштейна теряют смысл представления о тождестве или о принципиально общем строении внешней и внутренней деятельности».

Я не собираюсь давать оценку приведенным суждениям. Они важны как материал для рассуждения о том, что в попытках методологического обоснования путей поиска истины психолог имеет дело со многими переменными, которые объединены своим происхождением – они имеют психологическую природу. Они также реальны как само психическое. Достаточно сравнить хотя бы суждение о состоянии методологических идей в современной отечественной психологии:

1. «...философские методологические проблемы психологии все меньше интересуют научную общественность»;

2. «В последние годы появилось много ярких и плодотворных работ психологов разных поколений, и за каждым направлением можно обнаружить (правда, чаще имплицитно, чем явно) опоры на те или иные представления, образ, модель человека».

Это два суждения людей науки о ней самой, за ними, суждениями, – те переживания, которые связаны с ощущением своего места в ней, в науке о психическом, о его реальности.

Той реальности, которая объединяет (или разделяет) людей науки как в конкретное социальное время, так и во времени историческом (можно ведь не соглашаться с человеком, который жил и 1000 лет назад).

Определение для себя – человека науки – реальности ее предмета для психолога непростое дело.

Поделюсь одной из моих попыток понять современную реальность.

Текст опубликован на сайте www-proza.ru под названием «Новая русская гуманитарная культура: доказательства и опровержения».

«Представляюсь – это мое мнение, которое ни с кем, кроме родной головы не согласовано. Начинка моей головы – производное от моих переживаний в мирах реальных и виртуальном. Из фактов биографии, думаю, есть смысл указать, что «не привлекалась», а только увлекалась. Жизнь вовлекалась во все водовороты событий своей семьи, страны, планеты, родного тела, профессии т. д. и т. п.

Почему «новая», когда известно, что все старо под Луной. Новая для меня. Меня же еще не было в этом мире, а сейчас есть. Мне есть с чем сравнить, переход от одного социального строя к другому был проложен и по моей душе, биографии, даже телу (есть и пить хотелось, обуваться и одеваться – тоже), поэтому для определения «новая» применен метод самонаблюдения и наблюдения. Заметьте, что наблюдения не со стороны, а включенного – самый продуктивный метод для того, чтобы решать вопрос о том, что на самом деле, а что кажется. Тот, знаменитый, про быть или не быть. Только опять, в моем же варианте.

Почему «русская»? Это – моя национальность, это, кажется, и одно из значимых оснований для поисков «Мы» в этом мире, где так много разных людей. Просто по Платонову «Без меня народ – не полный».

«Гуманитарная» – это, где человек про человека и сам про себя думает.

«Культура» – думание про себя и человека становится видимым, осязаемым, слышимым, и дальше все про органы чувств или одним словом – материализовано. При желании можно и лбом стукнуться.

Доказательства, что она есть:

Всего приведу пять, считая их главными:

– неиссякаемый интерес к философской и психологической проблематике, с попытками конкретизации в виде следования тому или иному Учителю.

– Ориентация на себя как независимого (пусть относительно, но все-таки) от других людей существа.

– Осознание существования разных концепций жизни и смерти.

– Осознание ценности своего жизненного опыта для других людей.

Опровержения этих же доказательств.

– Слепота в следовании Учителю, отсутствие здравого смысла в принятии учений.

– Эгоцентризм, уничтожение эмоциональных связей с людьми, в том числе с близкими.

Распад семей, падение рождаемости.

– Концепции смерти, идеи смерти преобладают над концепциями жизни, уничтожая чувство заботы о жизни, чувство причастности к историческому времени и пространству.

– Опустошенность личной жизни, направленность на самоуничтожение.

Зачем все это написала... Кому это обращено...

Это же не вопросы – так, слова о жизни.

Предоставляю читателям возможность оценить его содержание самостоятельно.

Анализ понятия «реальность» как способа мышления о данном, о том, что требует усилий познания, показывает, что, обсуждая вопрос о содержании понятия «реальность», мы имеем в виду процедуру приписывания данности некоторым, но не всем, сущностям, составляющим мир.

Эту процедуру приписывания осуществляет сам человек науки, как говорил Б. Рассел, скорее чувствуя, чем осознавая, все обстоятельства этого приписывания. Обстоятельства же, по его мнению, таковы: вещь реальна, если она продолжает существовать в то время, когда мы ее не воспринимаем; кроме того, вещь реальна, когда она соотносится с другими вещами так, как мы склонны ожидать в соответствии с нашим опытом.

Для самих вещей их реальность для нас не является необходимой и, по сути дела, может быть целый мир, в котором ничто не будет реально в указанном выше смысле, но это вовсе не значит, что они не существуют. Таким образом, в понятие реальности с необходимостью начинается присутствовать ожидание о связи объектов, которое основывается на опыте, т. е. ожидание их нормального поведения, связи с другими объектами и вещами. Если этого нет, то эти связи называются уже «иллюзиями».

Для меня очень важно, что в понятии реальности психического как предмета науки потенциально скрыто это ожидание его нормальности, основанное на опыте человека и человечества.

Тут и возникает вопрос о том, обладает ли человек науки – психологии как науки – достаточным опытом, чтобы быть готовым ко встрече со всеми свойствами психического как реального?

Сумеет ли он увидеть и исследовать то, что составляет предмет его науки, если его (предмета) реальность порождается им самим?

В свете этого вопроса я бы не торопилась оценивать фрейдизм как биологизаторскую концепцию, да и вообще раздавать какие-либо оценки только потому, что представленная кем-то реальность не совпадает с нашей (моей) собственной.

По-моему, я пытаюсь описать необходимость для современной психологии методологической паузы, во время которой есть смысл обратиться к самим себе – людям науки – для прояснения своей собственной реальности для самих же себя.

Зачем?

Я очень хорошо помню как возникали и исчезали темы научных исследований под влиянием конкретных людей, возглавлявших научные учреждения или посещавших нашу страну – СССР.

Было что-то жалкое в этой быстрой смене привязанностей и переоценке научных ценностей (мне кажется, что она всего одна – истина).

Сегодня поток психологической информации разнообразен и весьма неоднороден, он манит могуществом психотехнических приемов, методик, обещанием успеха, славы, магии власти над другим человеком через разные способы воздействия на него.

«Пауза» нужна, по-моему, для обнаружения в самой науке – в мышлении ее людей – тех превращенных форм мышления о реальности, которая и становится реальностью предмета науки.

Я думаю, что эта «пауза» уже проявляется в запросе практикующих психологов на философское знание; в запросе современной медицины на психологическое знание; в осознании через социальные технологии роли концепции жизни, которую несет в себе человек, реализующий эти технологии, и во множестве бытовых фактов и наблюдений, в которых конкретизируются экзистенциальные поиски наших современников, в первую очередь, поиски оснований для осуществления процесса идентификации.

Мне кажется, что этот процесс поиска идентичности для человека науки и есть процесс построения ими методологического обоснования, который, как и идентичность, является процессом и результатом в каждый конкретный момент времени.

Воплощаясь в переживаниях своей принадлежности к реальности поиска истины человек науки ощущает результат своего поиска в виде нового качества собственного знания, доступного ему в конкретный момент времени. Это качество, приобретая вид научного прибора, методики, текста, становится отчужденным, превращаясь в вещные качества реальности самой науки.

Научное, отчужденное в разной форме, знание изменяет процесс идентификации человека науки, который получил это знание. Оно начинает определять саму возможность восприятия науки как реальности, существующей и в других формах. В этом смысле возникает психологическая и онтологическая проблема сопоставления разных видов отчужденного научного знания.

Так, мы знаем о З. Фрейде из его текстов или текстов о нем, но это – превращенные формы его реального знания психической жизни больных людей. Как он воспринимал реальность науки, своей жизни как человека? Какова реальная реальность его собственной жизни? Вряд ли мы можем восстановить это из его текстов.

Вот и получается, что вопрос о критерии истины в психологии связан с существованием в психическом каждого человека науки таких превращенных форм его же собственного сознания, которые могут быть не даны в самонаблюдении, но будут действовать и определять сознание, поведение и даже качества личности.

Эта проблема обсуждается в работах многих философов, я сошлюсь только на М. К. Мамардашвили.

Сегодня феномен психической смерти достаточно хорошо описан и, если он присутствует в сознании человека науки, то... Хотелось бы написать «бедная психология», но я выдержу стиль и прибегну к ссылке на С. Франка, в которой, по-моему, описаны даже действия по построению психической реальности как предмета науки; места психической смерти там нет:

«Пережить», «прочувствовать» что-либо – значит знать объект изнутри в силу своей объединенности с ним в общей жизни; это значит внутренне пребывать в том надындивидуальном единстве бытия, которое объединяет «меня» с «объектом»; изживать само объективное бытие.

Понятие этого живого знания как знания жизни, как транссубъективного исконно-познавательного, надындивидуального переживания столь же важно в гносеологии, как и в психологии. При свете этого понятия мнение об исключительной субъективности и замкнутости душевной жизни обнаруживается как слепой предрассудок».

Мне очень радостно было читать эти слова: «живое знание», «живая жизнь»... Они словно еще раз возвращают в психическую реальность ее главное качество, а, следовательно, и все, что с ним связано – боль, смерть, страдание, горе, восторг, здоровье, силу и многое из того, что перечеркивалось сразу, как только заходил разговор о методологических основаниях науки. Само мышление о человеке требует и правил и свободы, верифицируемое и недосказанности одновременно. Так хочется, чтобы это было в форме осознанного идентифицирования человека, науки с идеалами культуры. Так хочется, чтобы психология – наука – не стала немым орудием в руках манипуляторов индивидуальным и общественным сознанием, ведь пишет же коллега в научном журнале, обращаясь ко всем нам: «Психология вполне повзрела... Настала пора проявить личность, а значит, выбрать и осознать общие смыслы и ориентиры движения, понять и честно (подчеркнуто мной – А. Г.) признать, какому образу человека мы собираемся служить, соответствовать нашей профессиональной деятельностью». Я бы добавила, какому Я в собственном Я мы собираемся служить и уже служим.

Литература

1. *Братусь Б. С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5.
2. *Зияченко В. П., Моргунов Б. Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994.
3. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М., 1990.
4. Образование и наука на рубеже 21 века: проблемы и перспективы. – Мн., 1997.
5. *Рассел Б.* Словарь разума, материи, морали. – Киев: Port-Royal, 1996.
6. *Франк С. Л.* Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1993.
7. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
8. *Хомская Е. Д.* О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. – 1997. № 3.

§ 2. «Данность» как методологическое понятие в современной психологии

Необходимость обращения к анализу заявленной темы связана, на мой взгляд, со следующими обстоятельствами, наиболее часто осознаваемыми психологами при уточнении ими своих методологических позиций.

- Неудовлетворенность функциональным подходом в изучении феноменов психического.
- Стремление выделить и описать специфические качества психического как реальности.
- Сложность онтологического анализа различных качеств человека.
- Нечеткость критериев достоверности полученных научных фактов, законов и закономерностей.
- Зависимость способов получения, описания и интерпретации данных от индивидуальности исследования, от системы его морально-этических ценностей и научной добросовестности.
- Зависимостью науки от конкретных заказчиков на тот или иной вид информации.
- Девальвацией ценности научного знания в общественном сознании. Преобладание манипулятивного подхода к человеку во всех сферах социальной деятельности.

Думаю, что даже указание на эти обстоятельства в той или иной степени, представленное в профессиональной рефлексии как начинающих психологов, так и профессионалов, ставит следующие вопросы, которые можно отнести к разряду вечных, т. е. методологических.

- Что изучает психология?
- Какие ставит цели в изучении?
- Как зависит полученное знание от личности психолога-исследователя?
- Кто, каким образом и с какой целью может использовать психологическое знание?

Эти и подобные вопросы о предмете психологии, о методах, методиках, критерии истины и т. п., не могут быть решены, если тем или иным образом не обозначена природа изучаемого как данность, т. е. не построен идеальный объект, который может (и должен) стать основой для получения как общепсихологических знаний, так и для построения конкретных психологических теорий.

Что дано психологу как основание для его познания? Осмелюсь сказать, что прежде всего он сам как человек и другие люди. Это – онтологическое основание для понимания, для построения идеального объекта любой теории.

Можно привести множество примеров их различных современных научных текстов как отечественных, так и зарубежных, где эта данность проявляется в самых разных вариантах: от отождествления природы человека с природой животного (Э. Берн) до сведения природы человека к механизму, в конечном счете, отождествлению с неживым (Г. Гурджиев).

Не беря на себя роль судьи или критика той или иной методологической позиции, считаю, что можно предположить следующее: возможность появления любого методологического подхода основывается на переживании автором присутствия в его жизни других людей и своей связи с ними, которая для каждого человека, независимо от его профессиональной принадлежности, проявляется в его концепции жизни.

Таким образом, взрослому человеку, который занимается психологией как наукой, приходится иметь дело со следующими составляющими его личного представления о методологии:

- исторические и современные ему научные тексты;
- живые люди, его современники, как авторы или носители научных идей;
- живые люди, индивидуальность которых нетождественна их научной продукции;
- он сам – взрослый человек в конкретном историческом и личном времени своей жизни;

- его – взрослого человека – личный опыт, обобщенный в концепции жизни;
- содержание концепции жизни, которая определяет (допускает) меру воздействия человека на самого себя и на других людей с целью получения разных видов информации

Можно было бы назвать и другие составляющие личного представления о методологии, но для краткости изложения ограничусь названными. Итак, что дано психологу в качестве главного основания для выбора и построения методологии? Думаю, что ни одна из перечисленных выше составляющих не дана в равной степени, т. е. не осознана в равной степени в конкретный момент личной научной биографии. Естественно думать, что все составляющие – величины переменные. Может быть, самой устойчивой из них является концепция жизни, появление основ которой можно наблюдать в конце юношеского возраста.

«Данность» оснований для построения методологии становится вопросом не только исторического развития психологии как науки, но и вопросом индивидуального становления профессионала как развивающегося, меняющегося человека, способного к трансформации.

Мне кажется, что ни в какой другой сфере знания нет такой четкой зависимости в выборе идеального объекта (предмета науки) от нравственно-этической позиции исследователя как в современной психологии, которая переживает очередной кризис. Хотелось бы назвать его кризисом «данности». Что дано в качестве идеального объекта изучения? Даже обозначение этой данности представляет трудность, например, трудность выбора лексических средств для того, чтобы избежать тавтологии: психология изучает психическое, или психология изучает психические процессы и качества человека...

Можно попробовать ответить на этот вопрос и, таким образом, дано: жизнь человека, т. е. Добро и Зло, которые есть в Я, живущем среди Других Я в:

- историческом времени – культуре;
- личном времени (психологическом) своей жизни;
- физическом времени (физиологическом) своего тела и обладающем как главными качествами способностью к любви и свободе.

Тогда вопросы о том, что есть жизнь человека, что в ней Добро и Зло, что есть Я, в каком времени и пространстве оно проявляется и будут основой для выбора методологии.

Утверждая данность, обозначая ее как существующую, любой исследователь получает основания для проявления и построения своей позиции, для обозначения и построения предмета своего исследования, т. к. объект будет задан содержанием данного.

Известно, что номотетическая функция сознания позволяет через обозначение реальности словом уже воспринимать ее как обладающую закономерностями. Другими словами, если исследователь (для себя и для других) обозначает данное в слове – понятии, он уже вносит в содержание своего мышления закономерности, отражающие существование этой данности.

Мне думается, что недостаточная рефлексивная проработка данного как основания для построения методологии в любом научном исследовании приводит к тому, что от исследователя ускользает его собственная научная позиция, которая, в конечном счете, определяет меру его ответственности за полученное знание, за процесс его получения, за хранение и использование информации. Кроме того, рефлексивная проработка данного позволяет определить специфическое место науки в общественной структуре, фиксирующей степень владения объектом науки как объектом интеллектуальной собственности. В этом смысле этическое право, например, право распоряжаться собственной жизнью и право научного исследования жизни человека принадлежат к разным социальным структурам и предполагают разную степень ответственности как личной, так и общественной.

Таким образом, понятие данности позволяет исследователю осознать, как существующий для него самого, объект исследования, определить по отношению к нему свою позицию и степень личной ответственности за меру воздействия на данное. Думаю, что рефлексивная про-

цедура выделения данного позволяет психологу избежать многих ошибок, связанных с пониманием им роли и места научного знания в индивидуальной и социальной жизни людей.

Литература

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют... М., 1995.
2. *Зинченко В. П.* От классической к органической психологии. Вопросы психологии. – 1996. № 6.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. – М., 1977.
4. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. – М., 1993.
5. *Успенский Г.* В поисках чудесного. – СПб. 1992.

§ 3. Роль гуманитарного знания в картине мира современного человека

Картина мира современного человека на протяжении второй половины двадцатого века претерпела существенные изменения под влиянием научнотехнической революции. Эти изменения прежде всего связаны с тем, что в ней появились существенно иные пространственно-временные параметры, осязаемо изменилось планетарное чувство – оно приобрело и приобретает конкретно переживаемые качества, определяемые размерами планеты, состояние ее атмосферы, природными явлениями, геополитической принадлежностью и т. п. Через средства массовой информации человек становится причастным к множеству событий, реальным участником которых он непосредственно не является, но имеет к ним отношение.

Собственное отношение человека становится существенным моментом, определяющим степень его включенности в поток информации, которая поступает к нему через других людей.

Возникает и существует психологическая проблема реагирования на информацию, опосредованную присутствием неизвестного, незнакомого, другого человека, который лично неизвестен.

Думаю, что это привносит в картину мира современного человека такие важные параметры как:

- переживание ценности своего отношения;
- переживания по поводу зависимости своей жизни от других людей.

Эти переживания, по-моему, обостряют чувственность современного человека к гуманитарной информации, снижающей степень неопределенности этих переживаний и уточняющих их место в картине мира как целостности.

Так переживание ценности своего отношения предполагает его рефлексивность, наличие Я-концепции, переживание границ своего Я и т. п., т. е. необходимы усилия по осуществлению воздействия на собственное Я. Переживание зависимости от других людей требует наличия концепции Другого человека, сопоставления ее с Я-концепцией, осознание своего места среди других людей и т. п., т. е. опять необходимы усилия по осуществлению воздействия на собственное Я.

Осуществление этих усилий невозможно, если у человека нет глобального переживания ценности своей жизни, себя как живого человека, т. е. экзистенциальных переживаний, отвечающих за конституирование всех других ценностей и их иерархизацию.

Многочисленные исследования показывают, что в двадцатом веке наметился ярко выраженный отказ человека от собственных экзистенциальных переживаний, задающих целостность его картины мира и удерживающих ее целостность в сознании человека.

Это выражается во множестве конкретных феноменов – индивидуальных и социальных, – общее название которым было дано Х. Ортега-и-Гассетом как существование массового человека.

Для него, как известно, характерно обесценивание глобальных индивидуальных переживаний, а значит, сведение картины мира к наблюдаемой.

Сама жизнь перестает восприниматься как экзистенция, она начинает существовать как последовательность сменяющих друг друга событий, что, естественно, создает экзистенциальный вакуум, требующий заполнения целостным видением мира.

Простая целостная картина мира, предлагаемая человеку ее персонифицированным носителем (гуру, вождем, учителем и т. п.) легко заполняет экзистенциальный вакуум, создавая иллюзию целостности, глобальности переживания.

Вместо личного, своего отношения к жизни появляется его замена – симулякр – в виде персонифицированной идеи.

Трагические последствия этого связаны для человека не только с потерей экзистенциальных чувств и доверия к ним, но и с потерей возможности построения концепции Другого человека, т. е. практически человек оказывается дезориентирован в психической реальности.

Проблема жизни как осуществления, как труда перестает существовать, жизнь рассматривается и проживается как следование.

Все варианты инфантилизма и потребительства современного человека объединены общим признаком – отказом от глобальных переживаний собственной жизни, стремлению к упрощению картины мира до визуально воспринимаемой.

Это естественно приводит к тому, что из ценностных переживаний исчезает не только «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер), но и достойное отношение к смерти, предполагающее переживание ее как проявление жизни.

Смерть вытесняется из общественной и личной жизни, исчезает из картины мира, заменяясь страхом перед ней как формой отказа от ее реальности.

По-моему, есть смысл вспомнить в связи с этим рассуждения одного из изумительных философов нашего века, нашего соотечественника, Н. Ф. Федорова, который рассуждал о неродственности мира (цитируется по соч.: М.: Мысль, 1982. С. 66, 63), отмеченной взаимным вытеснением и враждой.

Неродственность для него не только отрицательное определение содержания межличностных или социальных отношений, но и этико-космическая категория, которая делает людей орудием вытеснения старшего поколения младшим, взаимного стеснения, которое ведет к тому же вытеснению. Неродственность – первое следствие основного зла – смерти, Н. Ф. Федоров считал, что «небратство коренится не в капризах, что словами искоренить его нельзя, что одно желание бессильно устранить причины небратства; для этого нужен совокупный труд знания и действия, ибо такая упорная болезнь, имеющая корни вне и внутри человека, не излечивается в мгновение ока».

В картине мира современного человека смерть отмечена печатью страха перед ней. Это приводит не только к обесцениванию старости как периода жизни человека, но и потере чувства исторического и психологического времени, к замене его отношением к физическому времени, как следствие этого – отказ от переживаний глобальной ответственности за жизнь.

Наблюдения над жизнью и непосредственный опыт практической психологической деятельности и преподавания психологии разным категориям людей позволяет мне выделить две тенденции в построении картины мира у наших современников и соотечественников:

- поиск экзистенциальных воплощений ценности жизни и смерти (духовные поиски);
- отказ от экзистенциальных переживаний за счет поглощенности реальностью настоящего, воплощающейся в конкретных, предметных переживаниях.

Это делает очень большие группы людей очень чувствительными к экзистенциальной информации или ее подобию и создает условия для развития гуманитарной деятельности как по получению гуманитарного знания, так и по его применению.

Какое знание отвечает запросам современного человека. Манипулятивное? Экзистенциальное? Объясняющее? Создающее мечту? Идеал? Или приносящее успокоение, утешение, сытость и комфорт?

Это вопросы о том, какое место может и должна занимать гуманитарная наука в общественной жизни... Думаю, что сегодня наука недостаточно осознает свое назначение в жизни каждого человека как настоящего, так и будущего времени... Может быть, сегодня есть все основания прислушаться к словам о кризисе науки (особенно психологии) как к словам описывающим этот кризис со всей серьёзностью как одно из следствий реальных возможностей (и не малых) воздействия современной цивилизации на содержание знания человека о нем самом. Как можно понять из опыта социальной жизни конца двадцатого века и начала двадцать первого века вся социальная жизнь, это знание может служить не только созиданию жизни, но

и ее разрушению, не только эволюции человека, но и его моральному и физическому уничтожению. Исторические примеры общеизвестные, и на них я останавливаться не буду.

Думаю, что роль гуманитарного знания в картине мира современного человека может быть обозначена как роль исходных посылок (данности, данного) для интеллектуального, сознательного отношения к собственной сущности.

Для непрофессионального человека гуманитарное знание выполняет ту же роль, что для профессионального ученого методология.

Они гарантируют (пусть на время) истинность, устойчивость, целостность картины мира, хотя и делают это разными способами.

Для человека, использующего гуманитарное знание, существенным становится момент соответствия знания с его личными переживаниями, с его личной, если можно так сказать, открытостью знания о себе как о человеке.

Опыт профессиональной практической работы в СССР и после его распада, опыт работы в Дании дает мне все основания говорить о том, что сензитивность человека к гуманитарному знанию резко возрастает в периоды кризисов, особенно возрастных и личных.

При этом актуализируется потребность человека в осознании роли и места смерти в жизни. Образ смерти возникает не только в кризисах, связанных с потерей (физической) близкого человека, но и при других обстоятельствах (выход на пенсию, развод, рождение больного ребенка, хроническая болезнь и т. п.). Образ смерти присутствует и в возрастных кризисах, особенно в кризисе 30–35 лет (как у мужчин, так и у женщин).

Это обостряет восприимчивость к экзистенциальной информации и перед человеком, который своей профессиональной деятельностью выбрал получение или использование гуманитарного знания, открываются большие возможности воздействия на другого человека за счет личной передачи экзистенциального знания, поэтому сегодня можно наблюдать, каким большим успехом пользуются люди, которые могут персонифицировать (или осмеливаются это делать) экзистенциальное знание в виде непосредственного учительства.

Они в полном смысле слова становятся учителями жизни, так как помогают отодвинуть образ смерти, убрать его из сознания, хотя бы на время своего присутствия.

Я не хочу никак оценивать деятельность этих людей, это не входит в мою задачу, я просто хочу привлечь внимание к существующей (и не только в российском обществе) у очень многих людей потребности в персонифицированном экзистенциальном знании, которое освобождает на время (или навсегда) от усилий по построению картины мира, от напряжений по переживанию своего отношения к смерти, от выработки концепции смерти.

В средствах и способах, какими реализуются запросы наших современников на конкретизированное экзистенциальное знание, словно исчезает весь опыт творчества жизни, который был (и есть) в конкретной культуре как в нашей отечественной традиции формирования картины мира, так и в традициях любой конкретной страны, глобализация науки находит в этом своё яркое отражение. Моё сожаление по этому поводу не случайно, так как в реальной работе с людьми, которые просят о профессиональной помощи, в разных ее вариантах, чаще всего звучит просьба о манипулятивном знании, о «таблетке», которую можно прописать и, приняв ее, найти утраченное или неразвившееся – чувство, мысль, отношение и т. п.

Отношение к человеку, в том числе и к самому себе как к неживому, не обладающему якобы важнейшей характеристикой живого – сознанием, простота понимания психического как постоянной величины заставляет думать о том, что в быту (и не только в быту) утрачены традиции (пусть не навсегда) мышления о человеке как о существе сотворенном.

Смысл своего творения каждый человек соотносит с существованием не только жизни, но и смерти, именно она, смерть, заставляет человека искать причины своего сотворения, его смысл и назначение...

Именно смерть заставляет, вынуждает человека искать источники своего сотворения, отвечать на вопросы о смысле и назначении страдания и боли, о вечности и бессмертии о правде и лжи...

Чтобы отвечать на них надо иметь смелость и убежденность в неслучайном существовании человека на земле.

Очень важным становится знание о происхождении человека, степень его достоверности определяет для носителя этого знания вектор отношения к людям вообще, нравственный вектор обоснования воздействия на другого человека, на самого себя.

Думаю, что науке еще предстоит осмыслить последствия внедрения в сознание людей различных эволюционных теорий их влияния на развитие человечества, как сейчас многие пытаются осмыслить влияние, например, психоанализа З. Фрейда на современную культуру...

Уход в общественном сознании от идеи сотворения человека, как можно думать, привел к массовому распространению идеи о подобии человека своим родителям о педагогическом оптимизме, возможности «вырастить» человека с заданными качествами личности качествами души, что сделало возможным, допустимым воздействие человека на человека практически безграничным; индивидуальность, непохожесть стали восприниматься как помехи в воспитательной работе не только на уровне общественных институтов, но и в близких межличностных отношениях.

Простота стала главным принципом в понимании человеком своей природы, но простота особого рода, простота равенства по заданному (задаваемому) параметру, даже если этот параметр обозначается, казалось бы, сверхсложно – Я.

Распространение идей формирования и их практическое воплощение отодвинули идею сотворенности человека на недостижимо далекое расстояние от обыденного сознания действующего человека и сама деятельность стала восприниматься как предметная, опредмечивающая, т. е. воплощающая в предмет сущностные качества человека.

При этом назначение созданного предмета словно бы и не имеет значения, словно бы само по себе целесообразно и необходимо для человека как существа сознательного и смертного.

Кризис гуманизма, который явственно наметился в двадцатом веке, давно был теоретически предсказан тем же Н. Ф. Федоровым как следствие упований на природу человека, которая якобы сама по себе неудержимо стремится к прогрессу, свету. Выяснилось, что на человеке, которого может заносить в крошечный ад, вымощенный самыми благими намерениями, на его несовершенной, противоречивой природе, нельзя основать абсолют. За абсолют можно принять только идеал, стоящий выше человека, пусть даже только идеально, только в проекте.

Для самого Федорова это был и мог быть только Бог или Высший преображенный человек в составе богочеловеческого единства. Путь к такому человеку должен идти через преображение самой физической природы человека, через обретение им более высокого онтологического статуса. Для этого необходима реальная активная работа по преодолению своей «промежуточности», своего несовершенства. В своих текстах он начинает разработку идеи эволюции, которая потом будет подробно изложена у многих мыслителей – В. М. Вернадского, В. Ф. Купревича, К. Э. Циолковского, П. Тейяра де Шардена и других.

Это мысль о том, что современный человек не является вершиной эволюции, он только промежуточное звено в длинной цепи существ, которые имели и имеют прошлое, будут, несомненно, иметь и будущее, за сознанием и жизнью в нынешней форме будут следовать «сверхсознание и сверхжизнь», как писал Тейяр де Шарден.

Думаю, что нет надобности останавливаться на противоречии, которое содержат эти идеи и идеи о завершении эволюционного процесса, на человеке современного вида. Зафиксирую только несколько следствий, как мне кажется, важных для понимания последствий этих идей

для индивидуальной жизни человека: прежде всего это этические последствия антропоцентризма – эгоизм, потребительство, не родственность – враждебность и т. п.

Итак, любая идея о эволюции несет не только содержательную, но и этическую нагрузку. Мера человеческого в человеке в свете эволюционных идей становится предельно реальной, действенной, обращается в конкретные формы как законодательных актов, так и конкретных научных теорий своего времени.

Относительно независимо от собственных переживаний и установок ученого, получающего гуманитарное знание, он оказывается вовлеченным в процесс научного мышления и обязан проверять истинность своего мышления в соответствии со сложившимися критериями. Не требует особых доказательств тот факт, что система критериев истины в гуманитарном знании аналогична той, которая сложилась в естественных науках, исследующих неживую реальность.

Системный подход к явлениям живой природы, основанный на выделении и описании системообразующих факторов и их функций не может в полной мере зафиксировать качества живого.

Этическое содержание научного знания отражает противоречивость природы самого человека как существа познающего и осознающего процедуру собственного познания (я могу то, что я могу; я не могу то, что я не могу...)

В гуманитарном знании, как ни в каком другом, встречаются логика действия и логика смысла, логика преобразования и логика творения, личные переживания воздействия на другого человека и переживание последствий воздействия других людей и способы научного познания, его логика...

В гуманитарном знании другие люди задают образец правильного мышления как способ познания, но сила воздействия на других полученного научного знания (Ошо, Ауровиль, школа Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова и др.) определяется часто возможностью воплощения этого знания в немедленное действие по «улучшению» жизни, по ее изменению.

Гуманитарное знание как научный текст тоже не может быть бесстрастным, оно, как жизнь, пристрастно, и его место в потоке жизни (как законченного текста) постоянно меняется, конечно, в том случае, если оно включено в этот поток, если оно в нем востребовано.

Когда описывается содержание кризиса в современном гуманитарном знании, то прежде всего говорят о потере целостного человека как предмета изучения. Думается, что в отечественной психологии как в одном из видов гуманитарного знания (и это типично и для других его видов) остались, по существу, не востребованными идеи о целостном человеке, которые разрабатывались многими отечественными и зарубежными философами (Н. Федоров, Вл. Соловьев, О. Конт, Э. Ренан, Д. Пристли и др.).

Утилитарно-практическая направленность современного гуманитарного знания, стремление свести его рецептуре действия, часто ориентированного на простую результативность цели, понимание цели гуманитарного знания как помогающего обедняет, по-моему, смысл и цель исследования в гуманитарной сфере, упрощает смысл и цель применения гуманитарного знания.

Естественно, что помогающая функция научного гуманитарного знания возникает сама собой, если оно выполняет свою главную, на мой взгляд, задачу: фиксирует для человека его индивидуальную жизнь как проявление ЖИЗНИ, осуществляя это вносит в ежедневное, бытовое употребление идеи эволюции человека, идеи НАУКИ, идеи БЫТИЯ и идеи Идеала БЫТИЯ – как общего для всего человечества, так и для индивидуальной жизни каждого человека, идею текста, книги как идею результата мысли поколений.

Гуманитарное знание творит человека для самого себя и для других людей. Думаю, что высокий стиль здесь не дань лингвистике, а возможность зафиксировать способ связи человеческих усилий, сотворяющий собственную жизнь.

Если эксплуатировать только помогающую роль гуманитарного знания, то оно, по существу, станет ненужным для построения картины мира как интегральной составляющей сознания человека, если будет обслуживать временные, переходящие немощи человека, его бессилие сделать что-то правильно, с пользой и т. п.

Экзистенциальная роль гуманитарного знания в том, чтобы помочь, если уж пользоваться этим словом, человеку избавиться от его главной немочи – смерти. Современные достижения в разных науках (опыты по клонированию, психотехнические воздействия – настрой, например, показывают, что человеческие возможности в борьбе со своим главным недугом возрастают достаточно быстро, если мерить их мерками вечности. В конечном счете, это не только красивая мечта – бессмертие, воскрешение, это и способ мышления человека о своей природе, это помощь людям в главном – в определении смысла, который, как известно сегодня, надо находить каждому самому, его невозможно задать или дать, его можно найти, если жить.

В конечном итоге роль гуманитарного знания в картине мира современного человека и состоит в том, что пытается ответить на вопрос: зачем жить? И потом уже – как это делать?

Если попробовать зафиксировать те противоречия, которые есть в современном гуманитарном знании, то они могли бы, по-моему, выглядеть следующим образом.

- Является ли человек – разумный идеалом эволюции?
- Как соотносятся физическая и психическая природа человека?
- Существует ли наука о ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА? Можно ли освоить эту науку?
- Как в ходе эволюции неживое стало живым, а живое – сознательным? Куда дальше идет линия эволюции неживого?

Прогресс и эволюция – как они связаны между собой? В каких отношениях находятся между собой разум и сознание?

- Как связаны мышление и практическое действие?
- Какими способами можно (и нужно) получать достоверное гуманитарное знание?

Возможно, я выделила далеко не все, но перечисленные противоречия дают возможность сформулировать, может быть, одну из важнейших задач гуманитарного исследования – поиск той целостности, которая содержит в себе весь потенциал развития человека, все возможности сотворения, преобразования, преображения жизни во всей полноте ее воплощения.

Мне кажется, что постановка такой задачи позволяет выделить в гуманитарном знании важнейшие составляющие картины мира современного человека и мыслить о них, познавая их всем миром, как говорил Н. Ф. Федоров, ученых и неученых:

ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ
РАЗУМ	УМ
Я	ДРУГИЕ
БЕССМЕРТИЕ	ДЕЛО
ВЕЧНОСТЬ	КОНЕЧНОСТЬ
СТРАХ	РАДОСТЬ
ИДЕАЛ	РЕАЛЬНОСТЬ

Может быть, такое знание задает целостность?

Известно, что каждый человек выстраивает свою картину мира, отражающую связность его опыта. Опыта чего? Гуманитарного знания о жизни людей, осознанного и, может быть, не

воплощаемого, не воплощенного, но потенциально существующего. Потенциальное – мечта – может быть реальнее осуществляемого...

Когда определяются будничные, прозаические вещи – программы, учебные планы, – возникают одни и те же вопросы: зачем эта или иная информация людям?

Может быть, этот вопрос можно сформулировать и иначе: что с этой информацией они смогут делать?

Будут знать, как правильно жить, как правильно мыслить? Как правильно воспринимать то или иное конкретное событие?...

Сегодня, сейчас, когда я перечитываю и редактирую этот текст, весь опыт, который подарила жизнь, подсказывает ответ на этот вопрос в другом направлении...

Научиться жить можно, видимо, только в том случае, если живешь, а не существуешь или выживаешь.

Самым главным признаком жизни можно, думаю, считать переживание своей человеческой целостности как неисчезающего качества, т. е. фактически реальности бессмертия...

Гуманитарное знание могло бы выполнять в картине мира современного человека цементирующую роль, так как оно содержит в себе множество способов мышления за счет возможности каждого человека получать, нести и применять это знание на общее дело всего человечества... Только какое оно, наше общее дело... Какой ответ мы сегодня можем дать, захотим дать, – от этого во многом, думаю, будет зависеть будущее как самого гуманитарного знания, так и его место в жизни каждого человека.

Как говорил в свое время Л. Шестов о роли науки:

«Наука не констатирует, а судит. Она не изображает действительность, а творит истину по собственным, автономным, ею же созданным законам. Наука, иначе говоря, есть жизнь перед судом разума. Разум решает, чему быть, а чему не быть. Решает он по собственным – этого нельзя забывать ни на минуту – законам, совершенно не считаясь с тем, что именует «человеческим, слишком человеческим». Не ошибается ли разум в своих выгодах» (Соч., т. 2, с. 52–55).

Обоснование – одна из важнейших процедур человеческой духовной деятельности, если ею человек пытается заниматься, он неизбежно приходит к этой процедуре, при этом совершенно неважно, занимается ли он духовной практикой или пытается получать истинное знание научными способами.

Гуманитарное знание как обоснование духовной деятельности в области морального сознания человека представлено операцией оправдания или осуждения, а в области познавательной (научной) подтверждения, психологической импликации (вообще – условного суждения), предсказания, объяснения, доказательства.

Состав обоснования всегда распадается на две части:

- «обосновывающий» идеальный объект, или основание и
- обосновываемый идеальный объект, или обосновываемое. Идеальным можно считать любой фрагмент сознательной духовной деятельности человека, отраженный в языке...

Всякий акт обоснования, например, обоснования смысла жизни, есть вместе с тем и акт формирования обосновываемого объекта. Именно в этом смысл и ценность обоснования. Обосновываемое в том виде, в каком оно выступает в конце этой процедуры, всегда имеет, по крайней мере, одну новую характеристику, какой до этого не было в начале процедуры. Новые характеристики обосновываемое получает благодаря операции установления той или иной связи между обосновываемым и основанием и приписыванию первому из них некоторых характеристик второго. Сам человек ищет эту связь, это полностью зависит от него.

Литература

1. *Шестов Л.* Собрание сочинений, т. 2. М.: Наука, 1993.
2. *Федоров Н.* Сочинения. М.: Мысль, 1982.

Глава 2. Практическая этика и практическая психология как профессиональная деятельность

– Я не умею рисовать людей! Не могу, не умею, давайте я вам лучшие зайца нарисую!
(Из диалога психолога и мальчика шести лет)

– Что вы так смотрите. Думаете, приятно знать, что тебя все время изучают?
(Из диалога психолога и подростка!)

Конец XX века принес в нашу жизнь новое явление, которого не существовало в ней легально с 1936 года, когда знаменитым для педагогов и психологов Постановлением ЦК ВКП(б)¹ была закрыта, разрушена, изгнана из социального обихода педология – предшественница современной практической психологии.

По существу, через 50 лет начинают появляться люди, которые называют себя практическими психологами, и предлагают обществу совершенно специфические виды услуг – определение готовности ребенка к школе; психологическое обеспечение бизнес-планов; психологическую характеристику членов рабочих коллективов и прогноз их совместимости и т. п.

Кто эти люди?

Каков их социальный статус и место в системе общественных отношений? По какому праву они берут на себя ответственность влиять на индивидуальную и социальную жизнь?

Хотелось бы не только задать эти вопросы, но и попытаться ответить на них исходя из следующих соображений:

- появление любой профессии предполагает ее инструктивную регламентацию, т. е. создание социально приемлемых норм ее осуществления; естественно, что эти нормы появляются как бюрократическая основа определения меры социальной и личной ответственности профессионала за его действия;
- профессии, связанные с воздействием на человека, имплицитно несут в себе обобщенную модель человеческой жизни, где отношения с другим человеком (профессионалом в том числе) предполагают использование особой информации – информации об индивидуальной судьбе человека;
- использование этой информации делает границы человеческого «Я» очень уязвимыми; это явление многократно описывалось в философской и психологической литературе как явление отчуждения человека от собственной жизни;
- появляется (через стандартизацию профессиональных действий с человеком) реальная опасность обесценивания качеств человеческой жизни как индивидуальности (проблема массового человека, среднего человека, типичного человека);
- существует опасность превращения профессионала, берущего на себя ответственность за изменение индивидуальной судьбы, в человека, которому будут передаваться все виды ответственности за качества индивидуальной жизни по типу: «Психолог (или кто-то другой) сказал так, я так делал (думал, чувствовал), но ничего не получилось... (или получилось плохо)».

Эти соображения возникли в результате анализа тех проблем, с которыми сталкиваются психологи в своей ежедневной профессиональной деятельности.

---

¹ См.: Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педагогических извращениях в системе наркомпроса».

Думается, что ответы на поставленные вопросы надо попробовать искать в анализе тех направлений организации жизни человеческого сообщества, которые вынесены в название главы – в области практической этики и практической психологии как профессиональной деятельности.

Попробуем это аргументировать. Профессиональная деятельность человека в отличие от других видов деятельности (учебной, игровой, общения) состоит в том, что она предполагает *обязательную рефлексию* на содержание предмета профессиональной деятельности. При этом совершенно не принципиально в этом смысле физическое отличие предметов профессиональной деятельности. Освоение профессии предполагает включение ее предмета в содержание Я-концепции человека. Естественно, что варианты этого будут бесконечно разнообразны, но тем не менее в них есть то принципиально общее, что конституирует предмет одной профессиональной деятельности в отличие от другой.

На уровне Я-концепции человека это переживается как рефлексивно обоснованные ограничения на свои профессиональные действия, знаменитое умение сказать себе и другим: «Это я не умею, это я умею плохо, это я умею посредственно».

За этими ограничениями скрывается не только локус контроля, область профессиональной ответственности, но и потенциальная возможность для профессионального совершенствования – преодоление «не умею».

Появление профессии психолога в начале века было связано с социальными задачами максимального использования индивидуальных ресурсов человека в трудовой и учебной деятельности, человек должен был хорошо работать и хорошо учиться. Это нашло свое отражение в истории психологии труда и в истории психологии обучения. В конечном итоге это позволило появиться целой отрасли психологического знания – психологии индивидуальных различий.

По существу, психолог на заре существования этой профессии начинал работать с одной из важнейших характеристик индивидуальной жизни – с характеристикой перспективы личного развития, беря таким образом (пусть даже временно) ответственность за определение этой перспективы в достаточно конкретных проявлениях успешности осуществления учебной или трудовой деятельности.

Аргументами для построения конкретных характеристик развития человека в работе психолога выступали следующие данные:

- результаты психологического измерения характеристик его активности;
- результаты психологического измерения этих же характеристик как среднестатистических данных;
- интерпретация и сопоставление индивидуальных и сред негрупповых результатов в свете психологической теории

Таким образом, психолог сразу оказывался перед необходимостью работы с двумя реальностями:

- *реальностью психометрических данных*, полученных с помощью конкретного метода (наблюдения, теста и т. п.);
- *реальностью теории* (своей или принятой в качестве рабочей), в свете которой он мыслит о психометрических данных.

Надо сказать, что эти реальности находятся далеко не в однозначных отношениях. Достаточно, думаю, в качестве примера привести следующий: психолог применяет для изучения личностных качеств графический тест Дом – Дерево – Человек (ДДЧ), и интерпретирует его в теории психологических типов К. Юнга. Уже первый, весьма поверхностный, анализ показывает, что тест ДДЧ и теория К. Юнга строились для разных профессиональных задач в личной биографии их создателей, не говоря уже о том, что они описываются в разных научных понятиях. Это, естественно, ставит перед психологом, использующим тест и теорию, особую проблему – *проблему сопоставления* их по отношению к той конкретной профессиональной

задаче, которую он решает сам, прогнозируя, например, показатели личного развития человека.

На основании чего возможно сопоставление описанных реальностей: реальности факта и реальности конкретно-научной идеи?

Не претендуя на единственно верный ответ, попытаюсь показать возможный путь поиска ответа на него – тот путь, который позволяет, как думается, избежать одной из главных профессиональных ошибок психолога – ошибок превращения его в оракула, мистифицирующего данные своих исследований, измерений, наблюдений и размышлений.

Для этого вернемся к явлению профессии, профессиональной деятельности психолога. Имея дело с человеком как предметом своей деятельности, психолог с необходимостью должен (это профессиональный долг) удерживать свой предмет. Таким предметом является *психическая реальность человека*.

Она порождается и существует по законам, свойственным только ей. Удержать ее как предмет профессиональной деятельности можно тогда, когда действия психолога (работа психолога) направлены на свойства этой реальности и отвечают законам ее существования.

При всей очевидности этого утверждения и возможной его банальности оно далеко не просто для осуществления, так как психолог выступает по отношению к другому человеку как Другой человек, порождающий в нем психическую реальность, и как профессионал, сохраняющий эту реальность в качестве предмета взаимодействия.

Для доказательства утверждения о том, что психическая реальность порождается другим человеком, можно было бы привести множество положений из классических психологических работ по психологии развития. Достаточно вспомнить несколько понятий разных авторов, фиксирующих это: «зона ближайшего развития» (Л. С. Выготский), «явления вертикального и горизонтального декаляжа», «эгоцентрическая позиция» (Ж. Пиаже), «жизненный сценарий» (Э. Берн), «Я-концепция» (Р. Берне), «ценностность» (Н. И. Непомнящая), «типы ведущих деятельностей» (Д. Б. Эльконин), «ключевые системы развития» Э. Эриксона и др.

Выделение другого человека как фактора и условия существования внутреннего мира – индивидуальные характеристики человека – дает основания говорить о нем как о существенной характеристике психической реальности.

К. Лоренц² писал о том, что в животном мире происходят качественные изменения в поведении особей, когда они начинают индивидуально относиться к представителям своего вида. Именно эти отношения, которые Лоренц описывал как узел личной любви и дружбы, не позволяют членам сообщества бороться и вредить друг другу.

Другой человек. Он порождает своим присутствием в каждом из нас новую, отличную от нашего индивидуального существования реальность – психическую. Своим физическим и иным присутствием Другой человек структурирует то, что можно было бы назвать внутренним миром. Внутренний мир и психическая реальность, по-моему, не тождественны не только по факту принадлежности: первый принадлежит одному человеку, а вторая – как минимум человеческой диаде. Они существенно отличаются и содержательно; достаточно вспомнить феномены группового поведения, которых просто нет в индивидуальном (мода, эмоциональное заражение, эффект ореола и т. п.).

Другой, участник диады, не обязательно физическое лицо, важно его наличие как Другого, отличного, непохожего, нетождественного, если хотите, не подобного. Факт отличия важен как момент, сохраняющий само существование психического. Именно это отличие и делает возможным наличие психического как особого качества, характеризующего в конечном счете уникальность индивидуальности как целостной характеристики психической реальности.

---

² См.: Лоренц К. Агрессия. – М., 1994.

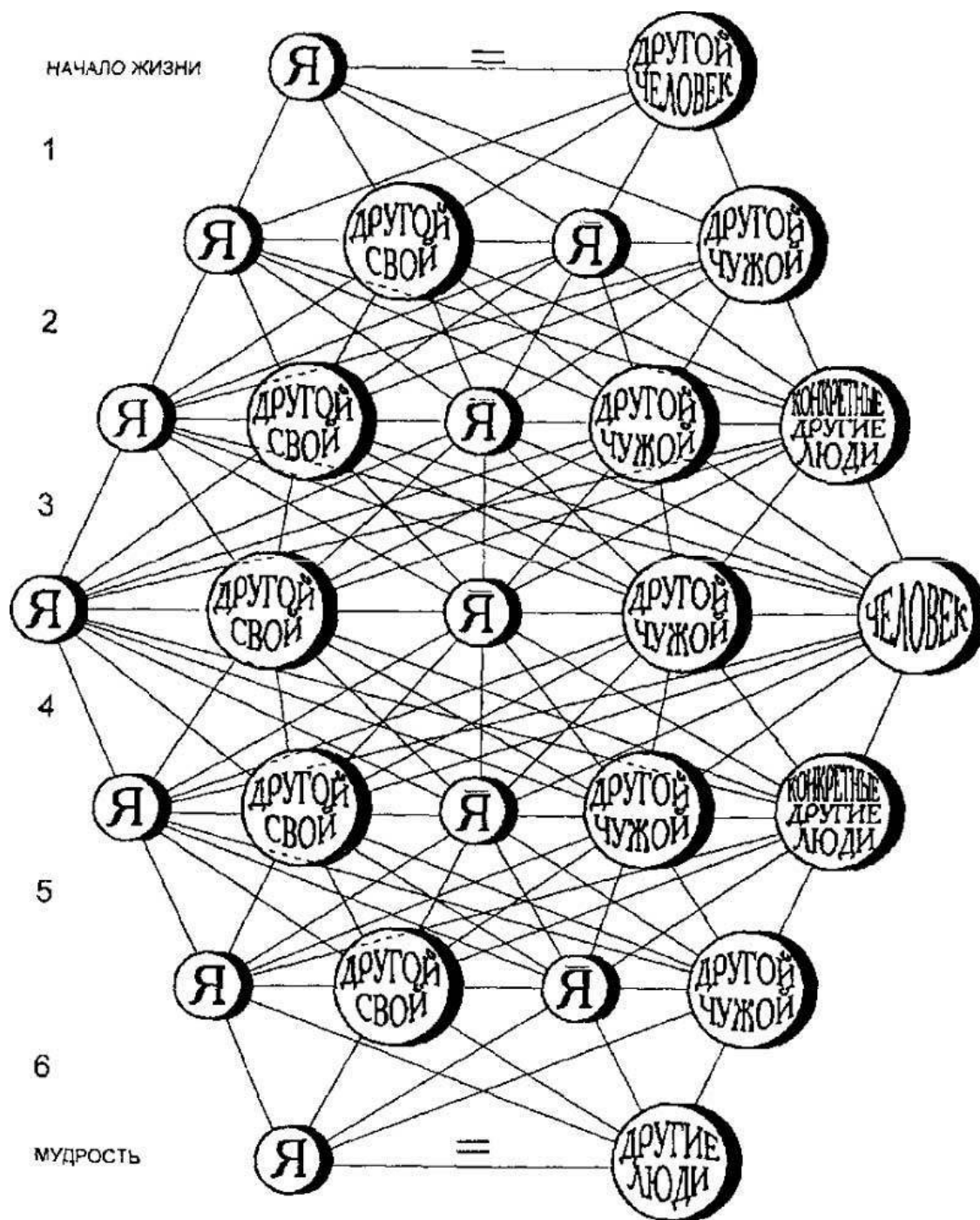
Переживание непохожести на Другого человека является началом психической жизни, фиксация этой непохожести разными способами (предметом, действием, образом, словом и т. п.) создает то ее содержание, которое может быть изменено при желании или необходимости через варианты его презентации Другому человеку, например в виде чувств.

Динамику психической реальности (относительно устойчивые и относительно изменчивые ее качества) задает отношение к персонифицированным и обобщенным характеристикам Других людей, которые своим присутствием или отсутствием в разной степени проявляют наличие ее свойств. Существенным моментом отношений между людьми является обратная связь, т. е. осуществляется не только воздействие на другого человека, но и изменение воздействующего под влиянием своего же воздействия. Преобразование затрагивает каждого из участников взаимодействия. Иными словами, говоря, например, другому человеку слова приветствия, мы вызываем не только его ответную реакцию, ответное действие, но и изменяемся сами как в момент произнесения приветствия, так и в момент восприятия нашего воздействия на другого человека.

В весьма упрощенной схеме (см. схему «Строение психической реальности») психическую реальность можно представить следующим образом: каждый последующий период жизни человека (поэтому так важно решение проблемы периодизаций и психического развития) отличается от предыдущего тем, что появляются качественно новые отношения человека с собой и с другими людьми. В нашей схеме они в обобщенном виде представлены как усложнение связей «Я» и «Другого».

Существенным моментом для начала появления психической реальности является установление физических отношений Я и Другого человека. Назовем это словами Э. В. Ильенкова, как необходимость приобщения Я к неорганическому телу культуры, представленному для ребенка в начале его жизни физическим существованием взрослого (Другого человека).

Строение психической реальности

(Я не описываю возрастные границы периодов становления психической реальности, надеясь на то, что читатель легко сопоставит их сам с феноменологией своей жизни и наблюдаемыми фактами бытовой жизни.)

Следующий период в развитии психической реальности связан с дифференциацией «Я» на «Я» и не-Я, а Других людей – на своих и чужих и установлением связей между этими образованиями, в психологии они описываются в понятиях Я-концепции, обобщенного представления о других людях (концепция Другого человека), в понятиях индивидуальных характеристик деятельности, жизненного стиля, когнитивного стиля, простоты и сложности переживания, в понятиях идеала человека, в представлениях о его ценности и других свойствах психической реальности, которые характеризуют относительную автономность человека от других людей.

Следующий этап развития (3-й на нашей схеме) существенно отличается от предыдущего тем, что начинают функционировать в психической реальности два важнейших образования – обобщенное представление о других чужих людях, обычно его называют «они»; оно не тождественно переживанию физического присутствия Других людей и является своего рода обобщенным образом «чужих» в концепции Другого человека. В то же время наряду с этим образованием начинает возникать другое качественно своеобразное обобщение – Другие люди (свои), т. е. те, о ком говорят «мы», «наши». Эти качественно новые обобщения начинают опосредовать отношение человека с собой (со своим не-Я) и влиять на динамику психической реальности.

Дальнейшее развитие связано с качественным усложнением связей (по принципу обратных) внутри этой системы, которая, как думается, имеет завершенный вид к концу жизни (при полном ее осуществлении) и выливается в то слияние себя с миром (с Другим), которое характерно для мудрости как высшего уровня проявления качества психической реальности.

Думается, что в данной схеме можно увидеть главные точки качественного изменения свойств психической реальности. На схеме они отмечены кружками и показывают путь развития индивидуальности через освоение своих новых качеств во взаимодействии с Другими людьми как основы для содержательно иных обобщений в Я-концепции и концепции Другого человека.

В этом плане (при внешней графической схожести) 4-й уровень отличается от 2-го тем, что обобщения на нем строятся по другим основаниям (например, проблемы задач и резервов развития взрослого человека, едва ли не самые сложные в современной психотерапии, решаются принципиально иначе, чем в детском возрасте).

Кажется, что даже на этой механической модели можно показать возможные следствия нарушения разных параметров психической реальности и их проявление в феноменах бытовой жизни. Приведем несколько примеров. В свое время меня поразило факт, описываемый А. Мещеряковым в книге «Слепоглухонемые дети», – такой ребенок, если его все время носили на руках, не приобретал даже собственной терморегуляции. Дистанция «Я» – «Другой человек» в начале жизни так же необходима, как желателен контакт с Другим для обнаружения свойств «Я». Отсутствие (или слабая выраженность) внутреннего плана действий (разделение «Я» и «не-Я») приводит к огромной зависимости от Другого человека, часто выглядящей как предельно высокая внушаемость (по фактам исследования несовершеннолетних жертв сексуальных преступлений).

Инфантильная доверчивость ко всем людям характеризует ребенка с недостаточно сформированной Я-концепцией. Инфантильный взрослый склонен отождествлять себя с Другими людьми, которых он считает «своими», «близкими», сближая в своем самосознании Я и «мы», соответственно это приводит к искажениям в развитии социальной и личной ответственности, в частности, является одной из причин правового нигилизма взрослых.

Надо отметить, что психологическое пространство Я и психологическое пространство Другого человека не тождественны, хотя и взаимопроникают друг в друга, оставляя в то же время достаточно возможностей для автономности каждого из этих образований. Они соединяются подвижно благодаря такому образованию, как психологическая дистанция, представленная на схеме в виде расстояния «Я» – «Другой человек», которое опосредуется по ходу жизни обобщенным представлением о себе, о Другом человеке (своем, близком), обобщенном представлении, о не-Я, обобщенном представлении о Другом человеке (чужом, далеком) и взаимодействия с физическим Другим.

Итак, психолог как Другой человек своим уже физическим присутствием в жизни Человека способствует обнаружению им в его психической реальности всех образований, связанных с обобщенными представлениями (переживаниями) присутствия в своей судьбе Другого,

Других людей. Перед психологом возникает специфическая задача – занять свое профессиональное место в структуре психической реальности. Где оно?

Я бы изобразила его на схеме там, где стоит кружок со словом «Человек», зеркально отражая всю схему психической реальности.

Объяснение этому вижу в том, что психолог (по его профессиональному долгу) обязан владеть обобщенным строением психической реальности, именно оно будет тем основанием, на котором могут быть восстановлены для Другого человека разорвавшиеся или неразвившиеся связи за счет его собственных усилий, направляемых во взаимодействии с психологом, знанием о строении психической реальности.

Говоря метафорически, психолог приносит человеку карту лабиринта, в которой тот заблудился и вместе с ним намечает путь движения по этой карте, а потом отдает эту карту в руки самому человеку. В этой процедуре одно требование становится самым главным – карта должна быть правильной.

Вот здесь и начинается та практическая этика, о которой уже давно надо бы начинать говорить. Она является тем содержанием, где реальность факта, с которым работает психолог, и реальность теории, в которой он осмысливает его, получают личностно-оценочную окраску, ту «пристрастность», ту эмоциональную, ценностную наполненность, без которой нет жизни человека. Через эту ценностную эмоциональность практическая этика становится «видимой» как самому психологу, так и Другим людям, с которыми он имеет дело. Она является как бы тем зеркалом, в котором отражается разрешающая для психолога возможность силы воздействия на Другого человека, меры этого воздействия.

Психолог несет человеку знание о нем, именно об этом человеке, используя обобщенное представление о людях вообще.

Психолог сам обладает собственной психической реальностью, которая проявляется в присутствии Другого человека. Этика предполагает установление и сохранение дистанции с «Я» Другого для сохранения этого Я. Этические нормы правильности – неправильности, плохости – хорошести и т. п. всегда предельно обобщены и могут быть при необходимости конкретизированы во множестве вариантов.

Думается, что психологом практическая этика осознается при установлении дистанции с Другим человеком и наполнении ее содержанием, рождающимся из усилий Другого человека, при проявлении свойств его психической реальности.

Если психолог делает это отрефлексированно и целенаправленно, то представители других профессий, ориентирующиеся на свойства психической реальности (учителя, юристы, врачи, журналисты, социологи и др.), могут использовать (даже случайно) ее фрагменты с целью воздействия на них. Профессионалы – это люди, которые своими действиями создают или разрушают психическую реальность конкретного человека, на которого они оказывают воздействие. В принципе, это происходит во всех вариантах взаимодействия людей, но, как уже отмечалось, для профессиональной деятельности характерна направленная рефлексивность, структурирующая предмет приложения усилий.

В этом смысле этические нормы глубины воздействия на другого человека приобретают характер средств, задающих и создающих условия для проявления автономности, индивидуальности Я человека, в конечном счете, выявление тех образований, которые определяют степень внутренней свободы – одного из высших достижений, в котором сможем увидеть развитие психической реальности современного человека.

Практическая этика опирается на обобщенное представление о психической реальности, о ее строении и возможном развитии, она включает также эмоциональное отношение к жизни – жизнеутверждение или жизнеотрицание, которое позволяет определять вектор воздействия на само течение индивидуальной жизни. Практическая этика использует и понятие о сущности человека для построения прогностических моделей его поведения и развития. Все выше

изложенное позволяет говорить о том, что практическая этика содержит парадигму жизни как исходную, базисную форму мышления о ней. Парадигма жизни в деятельности профессионала, работающего со свойствами психической реальности, не только определяет систему его личных жизненных ценностей, но одновременно является тем основанием, на котором строится выбор вектора и глубины воздействия на другого человека.

Иначе говоря, парадигма жизни является обоснованием самого факта существования практической этики как сферы жизни, направленной на сохранение индивидуальности, автономности человека на бытовом уровне осуществления.

Практическая этика не является законом, в обществе нет институтов, специально созданных для ее сохранения. Она опирается, как уже говорилось, на отношение к проявлениям человеческой автономности, «самости», индивидуальности. Соотношение практической этики и юридической практики выступает в использовании понятий «честь», «достоинство», «моральный ущерб», «право», «обязанность» и др., обозначающих для юристов меру сохранения или разрушения индивидуальности в ситуациях, описываемых в законодательстве.

При этом обоснование основных социальных прав и обязанностей человека осознается в парадигме жизни, доступной для рефлексии создателям «конкретных законов и постановлений». По существу, они также являются носителями практической этики, воплощая в своих законах представление о ценности человека и его жизни во всех многообразных ее проявлениях.

Парадигма жизни осознается каждым человеком в виде своеобразной формулы, фиксирующей его переживание (силу, ее вектор, включенность в жизнь и т. п.) в конкретный момент времени: «собачья жизнь», «жизнь – это борьба», «жизнь – это ад», «жизнь – это игра» и т. п. Формула парадигмы жизни воплощается в конкретные действия, оценкой поступки человека. Она является той основой жизнеощущения, которая констатирует образ Другого человека и свой собственный тоже.

В приведенной выше схеме строения психической реальности в каждый момент времени парадигма жизни представляет собой целостное содержание отношения «Я» – «Другой», удерживая и сохраняя в нем динамические тенденции.

Хотелось бы данным рассуждением показать, что отношение к Другому человеку является содержанием, постоянно присутствующим в психической реальности каждого человека как ее составляющая и естественным образом (через механизм проекции) входит во все виды активности.

В известном смысле можно сказать, что каждый из нас занимается практической этикой, осуществляя воздействие на Другого человека и себя.

Те люди, для кого это является профессией, рефлексиируют на это содержание, обеспечивая таким образом условия для социальной презентации важнейшего образования психической реальности – парадигмы жизни. Она легализуется в настоящее время в нескольких формах: юридических законах конкретной страны, в правах и профессиональных обязанностях (должностные инструкции), в этических кодексах профессий, принимаемых профессиональным обществом, в Международной Декларации прав человека, в Конвенции о правах ребенка и т. п.

Таким образом, практическая этика является неотъемлемой частью любой профессиональной деятельности, предполагающей непосредственное воздействие на психическую реальность человека. Современная жизнь человека в обществе протекает так, что, по существу, любая сфера общественной жизни оказывает в той или иной мере на него такое воздействие. Похоже на то, что психической становится вся жизненная среда человека, так как она несет в явной или превращенной форме следы воздействия человека на человека (через предметы потребления, орудия и средства производства, через измененный ландшафт, через меняющие свой состав природные воды и воздух и т. п.).

Практическая же психология как профессиональная деятельность начинает зарождаться в массовом масштабе и, по-моему, требует внимательного к себе отношения с той точки зрения, что именно она социально обостряет до предела проблему обоснованности воздействия одного человека на другого. В конечном счете проблему жизни проживаемой (прожитой) как своей или чужой, жизни проживаемой (прожитой) чужим умом (чужими средствами, чужими желаниями, чужими способностями). Что для человека, для людей важнее? Хотелось бы думать, что современное общество, да и каждый человек хотя бы мгновение в жизни переживали два полярных, а поэтому очень ярких чувства:

- чувство полной собственной беспомощности перед жизненными проблемами, желание отдать кому-то все свои оставшиеся силы, только чтобы больше не мучиться неопределенностью, бессмысленностью, и

- чувство ликующей радости от осуществленного – вдохновляющее чувство хозяина жизни. Какое из этих чувств продуктивнее? Наверное, не даром уныние считается смертным грехом. Оно лишает психическую реальность одного из главных качеств – качества глубины, разнообразия, динамики. Уныние, штиль, тишина, смерть, психологическая и физическая. Однако возможно ли через воздействие Другого, Других людей вернуть глубину и разнообразие жизни человеку, уже погруженному (или погружающемуся) в небытие уныния, апатии, конформизма и прочих форм отказа от собственного Я? Это вопрос о том, идти ли психологу к тем (к тому), кто не зовет на помощь, вяло увлекаемый потоком собственной индивидуальной судьбы к ее естественному концу. Думаю, что ответ на него весьма непрост.

Лезть в чужую душу без спроса не только опасно, но и неэтично. А если она, чужая душа, погружается в мрак потери собственного «Я», если она сама в ужасе от него, своего «Я», спасается знаменитым фроммовским бегством от свободы в невроз, в болезнь, в инфантилизм, в никуда... и ты, психолог, это видишь, понимаешь, и...

Какое решение, профессиональное решение, принимаешь (примешь) и будет ли оно правильным? Признаюсь честно, я не знаю ответа на эти вопросы. Но твердо уверена в том, что профессия практического психолога появилась неслучайно – может быть, я преувеличиваю, но это одна из попыток человечества спасти (именно спасти, как живое явление) индивидуальное сознание от наступления сознания массового человека.

Индивидуальное, живое сознание обладает уникальными свойствами, многие из них подробно описаны в философской и психологической литературе (В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили, П. П. Флоренский). Среди всех этих свойств внимание, в свете задач этого текста, привлекает свойство целостности. Живое *т* сознание – оно единое, целое, поэтому оно обладает определенным (но не бесконечным!) запасом прочности к воздействию.

Если этот запас прочности исчерпывается под влиянием воздействующей силы, сознание исчезает, или, разрушенное уже, не восстанавливается в прежнем виде, т. е. перестает быть живым. Такое сознание уже называется фантомным.

Психолог, оказывая воздействие на другого человека, сам является носителем индивидуального сознания (живого или фантомного) и при этом имеет дело тоже с живым или фантомным сознанием. Нетрудно представить, какие возможны логические варианты при взаимодействии с одним человеком и как многократно они усложняются при взаимодействии с группой людей.

Варианты воздействия живого и фантомного сознания многократно переживаются в течение жизни каждым человеком как непосредственным участником или наблюдателем таких ситуаций. Основные общие ее признаки – это усталость и чувство опустошенности ее участников, переживающих взаимное сопротивление как невозможность изменения, невозможность достижения согласия.

Варианты воздействия фантомного сознания на фантомное порождают взаимную неудовлетворенность, которая может перерасти в открытую конфронтацию по принципу взаимного несоответствия.

Воздействие живого сознания на живое сознание связано с появлением воодушевления, переживается как обновление, как прилив сил, как расширение горизонтов жизни, как появление (пусть на время) чувства общности, единения.

При этом, по моему мнению, абсолютно однозначно представляются непродуктивными ситуации воздействия на фантомное сознание с точки зрения изменения в них сознания в сторону появления признаков психической жизни. Это, по сути дела, варианты возможной профессиональной неудачи психолога как человека, ставящего задачу сохранения или восстановления живого индивидуального сознания. Ситуации эти становятся более вероятными при работе со взрослыми людьми. Фантомное сознание воспроизводит само себя – оно неизменно, время жизни для него не приносит изменения. Скука – основное качество жизни фантомного сознания.

Жизнь людей показывает, что преодоление скуки чаще всего происходит внешними воздействиями на сознание – путешествие, алкоголь, смена сексуального партнера, смена места работы, риск и т. п. Но эти внешние воздействия бывают достаточно кратковременными, скука возрождается снова. Психолог, сам обладая живым сознанием, при работе с фантомным сознанием встречает огромное сопротивление, преодолеть которое можно только причиняя Другому человеку боль. Боль психическую, как говорят, душевную.

Какое право имеет психолог на эту боль?

Будет ли она, эта боль, тем началом, которое откроет живые качества индивидуального, но уже фантомного сознания или приведет к появлению еще одного фантома – теперь уже фантома боли?

Это вопросы из области практической этики. Это вопросы из области психологии развития, из тех сфер знания, где обсуждается сущность человека, воплощение сущности в ее конкретные проявления.

А если психолог сам обладает фантомизированным сознанием, что, к сожалению, бывает как следствие шизоидной интоксикации психологической информацией, и при этом берется работать с фантомным сознанием Другого человека? Вот тут и создается ситуация «машинно-образного» действия, когда программа одной «машины» не соответствует программе другой. Как следствие, вполне вероятно, видятся горы обломков этих «машин».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.